

МАЙЯ ЛАУКМАНЕ

[123]

ИЛ 3/2019

Пульсация Курсы

Перевод СЕРГЕЯ МОРЕЙНО
Вступление ИРМЫ РОБИНЯ

Поэзия Майи Лаукмане отсылает нас к культуре древнего племени ливов, упомянутых под именем “либь” в “Повести временных лет” и заселявших балтийские берега еще в раннем Средневековье. После XIII века о них мало что известно, поскольку немецкие бароны активно перемещали население для обработки земель и тем самым ускорили ассимиляцию. Тем не менее эта культура оказала большое влияние на латышскую, ведь неотъемлемой ее частью являются песни, традиционно исполняемые у берега моря на родном ливском языке. Герои поэмы тоже говорят на этом языке...

Одно из самых распространенных ливских преданий — предание о синих коровах, которых Богиня моря по ночам выгоняла на берег у мыса Колки попасться под луну. Однажды одна из коров отбилась от стада и задержалась на берегу. Рыбаки пристроили ее в хозяйство, и она стала родоначальницей земной популяции. Синие коровы — не просто поэтический образ, они на самом деле существуют, так называют особую породу коров (Морская корова, Латвийская светло-голубая корова), которых крестьяне разводили в приморских регионах Российской империи. Эти коровы весьма выносливы и не боятся холода.

1.

неисчислимо стадо синих коров
 как в замедленной съемке ускользает в море
 туман свивается в клубки затягивая увиденное
 так что я уже не знаю было или не было —
 разом было и не было разом словно мое вечно
 встречу сну плывущее существо
 находит и не находит разом получает и не получает
 а сердце смотрит смотрит и вновь надеется

разглядеть:

белый туман над водой вьется поднимается на крыло
 и в жизни не виданные лишь во сне встреченные
 синие коровы древних ливов
 как в замедленной съемке исчезают в море
 могу тосковать не могу коснуться а туман завился
 в клубки
 скользят скользят и скользят —

было и не было разом, точно мое вечно
 встречу сну плывущее существо: находит и теряет
 находит и теряет... все только на миг

на миг

2.

не могу вспомнить слова — мелодию знаю но слова
 солнечными зайчиками манят поджидают пока не
 отбегут чуток дальше а я за ними во всё хорошеющие
 давно позабытые луга всё выше в небеса
 всё глубже меж корней

не могу вспомнить слова — где-то тут дни текут
 близко

по моим свету открытым линиям руки
 седая пращурка придет стряхнуть пыль и снова
 (я надеюсь!)

легко наметит утраченные вчера
 курсы движения
 и давно забытые карты

3.

веки мои это карты древние и живые
 сдунув пылинки с карт прочтешь все то
 что вбито в мысли продуманные пути пройденные
 и в предназначенное мне
 даже тогда когда утро еще не настало

на веках лишь миг спустя свет затеплится чайка
закричит
и по губам побегут так быстро слова
стрижами торопливыми —

тогда седой лив рыбак
вблизи от моих пяти чувств отчалит от кабы время
и скажет на языке (которого не помню) первое слово
дню
в древних картах найденное —
и каждая буква тех карт дорогой сердцобиенья
в быстром световом беге над веками
сквозь далекое прошлое
втечет в предчаянье этого дня

4.

пристально изучая мое лицо прочитаешь далекие
реки
места где некогда росли деревья дома с коптящими
трубами
окруженные лесами (где и руин уже нет) луга
со множеством пасущихся синих коров древних
ливов —
я слышу, как они уминают траву
как медленно и задумчиво жуют наблюдая за мной
умными глазами — это
все (убеждена) записано у меня на лице в линиях
руки голосе
акценте походке — я только
уже не могу расшифровать текст язык позабылся —
и не могу читать то
что во мне записано глубоко-глубоко
что изредка накатывает руслами исчезнувших рек...
да нет
просто накатывает

5.

порой за миг перед пробуждением вдруг знаю
как называют ту реку чье русло я ищу покуда живу
ищу день за днем только не могу найти нету такой
реки
а ведаю что есть — различаю журчанье воды знаю
что там — на ее берегах — черемуха так бела и так
горька
как нигде больше и правда

порой вдруг: утром перед пробуждением
 моя мать из далека-далека входит в речной поток и
 сквозь годы без конца сквозь времена что
 переменятся

скупо отмерят
 щедро отрежут
 медленно напевая держит руку над веками и глядит
 вдаль на меня — и

в глазах ее такая страшная жажда разбудить меня и
 охранить перед дорогой мой путь
 что в сердце поют ясные бубенцы: я просыпаюсь
 к рождению

я рождаюсь вот я
 обуюсь пойду найду реку текущую в бесконечности
 времен

на чьих берегах моя стародавняя мать бдит над
 руслом

тихо заговаривает со мной теплой речью курсы и
 горькая черемуха нежные цветки в реке к которой иду
 которую ведаю и ищу день за днем — да
 в ту реку
 нежные цветки сыплются...

6.

вольно и непринужденно качается лебедь на
 спокойной волне

а серебряная поверхность воды рябит словно миг
 что всплывет и исчезнет — всплывет и

вновь растворится
 каждый взгляд проблеск
 каждый взгляд попытка угадать

что ветер шелестит что серебро воды говорит
 все-таки до сих пор не умею вслушиваться —
 до сих пор уши заложены и зрение не проникает
 дальше того куда

оно проникает...
 однако

вольно и непринужденно качается лебедь на
 спокойной волне
 и море теплых невесомых огоньков столь
 бесхитростно

слепо бьет мне прямо в глаза
 что я отдаюсь его касаниям как ребенок отдается
 веревкам летящих качелей —

и слух понемногу открывается
и глаза делаются озерами

7.

остовы затонувших судов и бесчисленные обломки
горы компасов без или же со стрелками но таких
чьим показаниям все одно не веришь лежат
в заповедных
глубинах спящего во мне моря и я знаю что там
(глубоко-глубоко) разбросан зернистый жемчуг и вот
он дремлет себе припав
к мертвому дну некогда мощного судна и его
одиночество порой
убаюкано неизвестно откуда взявшимся морским
коньком а порой
его качают мгновения
когда уже утонувший во мне сон вздрагивает
на волнах памяти
а я бессильна — отсутствующая стрелка компаса
не может отворить
ни путь назад ни лунную дорожку через море —
разве что порой едва-едва без причины заноеет
(во мне) горизонт
и в этот миг я знаю что уже затонувший корабль...
я знаю что уже потускневший сон в этот миг не так
уж и тускл
где-то в мыслях крадущийся линиями моей руки
где всё еще едва-едва еле-еле теплятся неугасимые
знаки
отметивших меня давным-давно (в той жизни?..)
ветра и звезды
и полного надежд паруса

8.

дальние отзвуки порой подходят столь близко что
видны черты
лица той женщины моих лет чужой но
столь все-таки родной в этот миг когда
она прикладывает ко лбу ладонь от солнца и я
ощущаю чужую женщину ее корни вплотную к моим
тянутся к бьющим из-под земли ключам — мы обе там
воду черпали черпаем станем черпать — и по
правде так и есть:
дальние отзвуки порой подходят столь близко

что и не будучи птицей
 ты в силах распознать в небе птичьи пути
 нехоженые тропы диких серн подводные лабиринты
 рыб и мы
 все и всюду вдоль поперек и сквозь любой сезон
 в корнях под землей в голосах дальних отзвуках
 носим
 неизвестно как вдруг почуянную
 посюсторонность ушедшего времени — и носим
 сродность
 щемящую
 в шуме
 крови

9.

не знаю —
 может ярко-красные ягоды тиса знают а может знают
 вечно-зеленые иглы может именно оттого
 растут тисы на жилистой земле берегов моих
 курземских что
 гнездясь уже сотнями лет
 помнят больше чем я — может именно оттого силу
 умеют взять
 скопить да вытянуть из все тех же многовековых
 корней
 чтобы из подземелий наверх нести и хранить
 в вершинах нечто
 что не смеем терять: весть об огнищах урочищах
 об именах домов
 что силится угадать об азбуке красок вышитого узора
 о силе о боли
 о страхе — если и правда кто знает наверняка оттого
 вековые тисы по-прежнему гнездятся на земле
 берегов куршских
 чтобы удостовериться
 если я однажды утром вновь захочу стать ближе
 к тому
 что пытаюсь понять — начну спрашивать встав
 рядом
 но не решаясь тронуть зная сколь ядовиты ягодки
 ярко-красные
 иголки вечно-зеленые — столь ядовиты
 что уже тень дерева остерегаться велит: нечего
 дескать тут шляться
 топтать без толку корни ты сердцем смотри то и дело
 взгляд обращая к вершинам — оттуда
 собранное в корнях

излучается яркими ягодами скрытыми среди игл
— всё здесь
в кругу вековых оберегов что корешок помнит
верхушка передаст и тебе
придется в рот не положенное самому почуять
и звать
пока не отзовется — все звательное при тебе —
никуда не делось
точно в корнях глубоко-глубоко все
еще в тебе самом
живет

10.

ночь безлунна и ни одной звезды нет над морем
ну и пусть: так легче шагается зябким прибрежным
песком
твердя самой себе что не стоит частить
оглядываясь — так или иначе
печочка следов никому не видна
глубоко-глубоко в душе завидую малым птицам
даже они оставляют знаки в песке я же нет шаги
бегут... куда?
как тут объяснишь
бегут мимо...
бегут по кругу...
в нигде... и вот
ночь безлунна и ни одной звезды нет над морем
единственное событие: мне слышен скрип сухого
песка
когда прохожу вблизи птичьих рисунков и
горькая словно полынь зреет правда: вписанные
ветром
птицами
выполосканной морем гладкой галькой в песок
следы — именно
эти следы безлунной ночью (когда бегу мимо... когда
по кругу)
освещают прибрежную темноту и разом свет над
заросшими садами
над забытыми тропами поддерживают над веками
моими

11.

сквозь ночь и сон только что вновь прошагали
синие коровы древних ливов — не одна не две а стада
стада и стада на ближнем плане перцепции плавно
клоня головы

чтобы потрогать мокрым языком
 холмики острой прибрежной осоки — и я
 наблюдая как они движутся
 испытываю опасение
 что острыми как бритва краями могут травы
 ранить мягкие коровьи губы — и я

наблюдая как они движутся испытываю опасение
 если так случится
 возможно ничего не изменится: я так и не узнаю
 зачем
 синие коровы древних ливов идут и идут во сне
 что им так важно сообщить — опасаясь
 если краями как бритва острыми осока ранит их
 мягкие губы
 продлится начатое не вчера: медленно
 как в летней утренней дымке будут идти в мой сон
 синие коровы древних ливов
 идти и идти ничего не открывая идти и идти
 так ничего и не сообщая — просто будут стадо
 за стадом на
 ближнем плане перцепции...

молча

12.

воздух пахнет нагретыми солнцем хвойными иглами
 отбросами моря соленой водой и еще в иную погоду
 ничем особенным не пахнувшим мышинным
 горошком — воздух
 настолько витален
 что рождает в глубинах души такую музыку что я
 застываю робко в миг полный от земли и до самых
 небес изумления
 слова не умеют сказать нам то о чем говорят оттенок
 и аромат
 и свет над водами —
 и еще слова не скажут нам того что известно одной-
 единственной
 сверкнувшей и погасшей —
 блеснувшей и в мгновение ока возвратившейся
 обратно туда
 откуда вышла: капле, упавшей блистая с высоко
 воздетого
 весла времени

13.

речь застряла в забвении: втиснувшись между ветром
и неглубоким подворьем через выломанные
прохожими штакетины давно не открывавшихся

ворот — но

что ни лето упрямо вновь и вновь хотя бы
несколько слов языка вдруг берут да и вызревают

заново

где-то в запустелом саду в зелени бурьяна черноте

бузины

в шершавых ладонях
прибрежного вереса

время не может отнять
если сама не позволю и

või sa äd un? – a ты не забудешь? спросит

валун вросший в морской песок

спросит долгие годы выстоявшая на ветру сосна

спросит

и опять во сне придет старый лив рыбак но мне

не суметь

ни найти слова ни подтвердить клятву (рот
нем) *äb, äb kunāgid. ta läb sin azmõl! – нет, никогда. я иду
твоими следами!* из глубока-глубока явившаяся

сродность

вдруг в теплом пульсе

и в шуме крови

отзовется

ädskunāgid sõm tegiž kubbö

как-нибудь встретимся

14.

белый лебедь часами беседует с серым морским

валуном

и я (сидя на берегу) не слышу, о чем спрашивает

птица и что отвечает ей камень — я (сидя на берегу)

и

следя за обоими

учусь терпению учусь забывать о частых взглядах

на циферблат

учусь справляться со своими пальцами

когда они выбегают навстречу телефону чтобы

прервать тишину

как хлипкую веревку

и

[131]

ил 3/2019

белый лебедь часами беседует с серым морским
 валуном —
 вот лебедь выйдет на берег
 и крылья пронесут надо мной больше чем могу
 постичь я —
 зернышко морского песка перед лицом огромного
 мира — и
 вот лебедь выйдет на берег и крылья поднимут его
 над моим
 тревожным
 угадыванием и
 жаждущим постижения тайн взглядом

много выше

15.

я это река прямотекущая вспять а мир этот
 столь широк
 что наверное некому даже заметить мое впадение
 или несовпадение с морем — но
 ни на что иное нет сил кроме как
 отдаться прямотечению вспять ведь каждая водинка
 струй впавших в меня самоё
 журчит на двух языках в две мелодии и *pūgō tūl* тихо
 про себя напеваю *pūt vējini*
дуй ветерок
дуй ветерок — сколь долго мне напевать: столь долго
 сколь много судьбы отпущено сколь
 прямотекущая вспять река это я и сколь долго моему
pūgō tūl без слов
 (но убедительно) небесам и тынам побитым бурей
 и хуторам
 запустелым подпевать — и правда столь долго
 сколь будет над морем звучать голос чайки во мху
 скользить ящерка
 сколь древними и живыми картами будут веки мои
 сколько
 буду я рекой — насколько
 вспятьтекущей
 ведать

Об уплывающем времени и вечном горизонте

[133]

ИЛ 3/2019

Спасибо Курземе за то, что жизнь свою мне определено жить именно здесь. И не прожить, а прочувствовать и вершины, и корни. И небо над головой, и какую-то особую, трудно уловимую словами подземную пульсацию.

Это место под солнцем, Курземе, мне суждено любить так — очень и сильно, — что и не знаю, как мне выразиться точнее. Любовь состоит из разных пластов, она прорастает сквозь боль и страх: вот-вот пропадет, исчезнет, а нам — мне, разумеется, в том числе! — самим не дано будет ни сберечь, ни удержать. Страх, что достойно не оценим, растратим по пустякам. Моя любовь существует среди опасений, что То-которое-вечно-берет, Время, добьется своего... и многое забудем, упустим, не вспомним.

Как раз оттого (в частности, оттого) написались эти “Записки с Ливского берега” или — как любит повторять Сергей Морейно — *пульсации Курсы*. Эти разговоры с собой, куда я вложила все, что важно и близко моему сердцу, пока я здесь проживаю отмеренное мне время. Почти у всего, из чего складывается это наше подсолнечное проживание, есть множество слоев, граней, нюансов — и памяток.

Не устаешь удивляться, сколько всего нам принадлежит: сколько звезд в тканых узорах, сколько слов силы, выносливых спин, мудрых голов, сколь нескончаемы наши песни и сколь многие люди способны их петь без конца. Но и тому (увы!) не устаешь удивляться, как расточительно швыряем на ветер, бросаем в запустении, запираем шкатулки знаний — роняя в колодец, а то и просто теряя ключи. А те, что нырнут за ключами запертых ларцов, чтобы пустить затем дары их в ход — они не родятся грибами после дождя; в любом случае, не так уж часто.

По-прежнему много чего должна сказать о Курземе; здесь нам удалось собрать лишь несколько капель росы. Кому — нам? Один из “нас” — фотохудожник Дайнис Карклувалкс, человек подлинных ливских корней. Другой “мы” — поэт и переводчик Сергей Морейно, по сути своей безусловный искатель корней, неустанно взвешивающий вечное и преходящее. В его переводе моя курземская мысль, как в узоре тесемочки *приветите*, красиво свивается и сливается с теми тонами, что влетает в текст звучный русский язык. Как малюсенькие речушки Курземе отыскивают пути ко впадению в просторы моря, точно так же страсть, мечта, чувство принад-

лежности и многое другое человеческое, рожденное полнотой жизни, впадает сюда же.

[134]
ил 3/2019

Бескрайнее море времени. Каждое море, однако, приносит сны о горизонте, что на протяжении всей Богом отпущенной жизни читается тоской... Еще многое, многое нужно сказать. Звезды и пески сквозь пальцы. Уплывающее время и надежда, что я смогу его удержать. Словом. Ну да, и словом. А главное — сердцем. Желанием *вообще удержать*.

Я всегда думала о том, что на побережье Курземе песок особенно мелок и легок, и потому так быстро высыпается из ладоней; как бы то ни было, на Видземском взморье морской песок кажется более крупным, шершавым и не таким хрупким. Да, песок моего Ливского берега может быстро течь сквозь пальцы. А Время неумолимо. Оно, что ни день, напоминает: вот тут под песком есть какие-то особые, трудно уловимые словом, хотя и бережно пестуемые подземные пульсации. Именно они, эти трудноуловимые пульсации присущи всему, из чего складывается наша жизнь под солнцем. Они суть основа, смысл, дорога, море и горизонт.

Майя Лаукмане